

>>> ТЕМА НОМЕРА >>> ТЕМА НОМЕРА >>> ТЕМА НОМЕРА >>>

ТРИ ОТВЕТА ДЛЯ БАНКРОТА

Особого внимания заслуживает представленная в Обзоре практика применения законодательства о банкротстве, которая поставила точку в трех весьма дискуссионных вопросах.

Елена БАЙДАЛИНА,

юрист, департамент правового сопровождения бизнеса, ИСКН групп, г. Москва

Залог «арестный» против ординарного в деле о банкротстве. В соответствии с п. 5 ст. 334 ГК РФ по общему правилу с момента вступления в силу решения суда кредитор, в интересах которого наложен запрет на распоряжение имуществом должника, обладает правами и обязанностями залогодержателя, если иное не вытекает из существа отношений залога. Таким образом, арестованное имущество попадает под залоговый режим. Однако из туманной формулировки статьи не вполне ясно, равноценен ли такой залог ординарному и когда же возникает ситуация, в которой «из существа отношений залога вытекает иное».

За три года действия нормы об «арестном» залоге судебная практика не раз обращалась к данному вопросу, в том числе в разрезе банкротных дел.

Наибольшее распространение среди судей получила позиция, согласно которой правовой статус залогодержателя арестованного имущества приравнивается к статусу иных залоговых кредиторов в деле о банкротстве (постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2016 № 07АП-9387/2016 по делу № А27-10268/2016, Четвертого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2014 № 04АП-1130/2014 по делу № А19-7999/2013), что дает возможность такому кредитору воспользоваться правом, предусмотренным ст. 138 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), и досрочно обратиться взыскание на предмет залога в целях удовлетворения своих требований.

В таком случае из средств, вырученных от реализации предмета залога, 70% направляются на погашение требований залогового кредитора, 20% подлежат передаче кредиторам первой и второй очереди, оставшиеся денежные средства идут на погашение судебных расходов. При этом очередность удовлетворения требований залогодержателей устанавливается в зависимости от момента возникновения каждого залога (п. 1 ст. 342.1 ГК РФ). Для залога арестованного имущества такой датой считается дата наложения ареста, а в отношении имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, – дата внесения в соответствующий государственный реестр записи об аресте (п. 8.1, п. 1 ст. 339.1 ГК РФ).

Встречается и другой (менее распространенный) подход судей. Так, в деле № А60-60923/2015 Арбитражный суд Свердловской области, а после и апелляционная и кассационная инстанции пришли к выводу, что в случае, когда имущество должника, на которое наложены

обеспечительные меры в виде ареста, не было реализовано в нарушение запрета, оснований для применения п. 5 ст. 334 ГК РФ и признания требования кредитора в качестве обеспеченного залогом имущества должника не имеется.

Но, несмотря на сложившуюся в судебной практике тенденцию по наделению «арестного» кредитора статусом залогового в деле о банкротстве, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 суд поддержал позицию, согласно которой вышеуказанные залоговые не равнозначны. Так, отменяя решения предыдущих инстанций, Верховный Суд обратил внимание на то, что нормы законодательства о банкротстве являются специальными по отношению к общим правилам исполнения. Суд отметил: «Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест. Наоборот, правоотношения, связанные с банкротством, основаны на принципе равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат, что, в свою очередь, не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от формальных (процедурных) критериев, не связанных с ее материальной правовой природой (в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста). Поэтому запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства».

Введение банкротной процедуры при отсутствии у гражданина имущества. В соответствии с Законом о банкротстве должник при обращении с заявлением о признании его банкротом обязан, помимо внесения в депозит арбитражного суда денежных средств на выплату вознаграждения финансовому управляющему, также приложить к заявлению доказательства наличия у него имущества, достаточного для погашения расходов по делу о банкротстве. Как показывает практика, часто к банкротству прибегают граждане, у которых такое имущество отсутствует, и суды на этом основании прекращают производство по делу. Они аргументируют свое решение тем, что в таком случае достижение цели соразмерного удовлетворения требований кредиторов невозможно, а банкротство лишено как правового, так и фактического смысла, ведь ни одна из процедур не направлена на списание долга в судебном порядке (постановления Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2010 по делу № А68-4446/08, Девят-

надцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2016 № 19АП-1830/2016 по делу № А35-11583/2015, Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2016 № 19АП-1846/2016 по делу № А35-11084/2015).

Верховный Суд с такой позицией судов не согласился и обратил внимание на то обстоятельство, что на управляющем в банкротстве лежит задача по выявлению имущества гражданина, в том числе находящегося у третьих лиц. Право гражданина на использование установленного государством механизма банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу, так как банкротство гражданина преследует также и социально-реабилитационную цель. В связи с этим вывод судов о том, что процедура реализации имущества гражданина сведется лишь к формальной констатации отсутствия у него имущества, завершению этой процедуры и автоматическому освобождению от обязательств, является ошибочным.

Также немаловажным фактом в рассматриваемом решении было признание ВС РФ права за гражданином-должником прибегать к помощи третьих лиц для финансирования процедур банкротства.

Погашение долга третьим лицом как злоупотребление правом в процедуре банкротства. Статья 313 ГК РФ предусматривает право лица, не являющегося стороной правоотношения, в случае неоплаты долга исполнить обязательство за должника. В таком случае к третьему лицу переходят права кредитора, в том числе право на заявительную кандидатуру арбитражного управляющего и право голоса на собраниях. В сложившейся арбитражной практике, как правило, подобный ход служит основанием для оценки судом действий третьего лица как недобросовестных, совершенных исключительно с намерением причинить вред другому лицу в обход закона (постановления Арбитражного суда ВВО от 14.03.2017 № Ф01-588/2017 по делу № А28-4534/2016, Арбитражного суда ВВО от 14.10.2016 № Ф01-4365/2016 по делу № А43-7265/2016, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2016 № 18АП-11048/2016 по делу № А76-8471/2016).

Однако Верховный Суд при рассмотрении дела № А41-108121/2015 встал на сторону плательщика, заметив при этом, что сама по себе оплата долга третьим лицом не может быть признана злоупотреблением правом при отсутствии доказательства того, что такое исполнение причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве. Кроме того, по смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Таким образом, в случае, если на стадии проверки обоснованности заявления о банкротстве требования кредитора удовлетворяются третьим лицом в полном объеме, такое исполнение не может быть расценено как злоупотребление правом. ↘

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Судебная практика по вопросу принуждения выполнения условий о получении гарантии в последнее время в целом шла по пути удовлетворения требований истцов об обязанности передачи такой гарантии и о выплате неустойки в случае неисполнения условий договора. Однако в Московском округе в последнее время начала формироваться противоположная практика. Одно из таких дел ВС РФ включил в новый Обзор практики (№ 2, 2017). Полагаем, что отход от единообразия в судебной практике послужил причиной особого внимания ВС РФ к данному вопросу.

Семен ЛОПАТИН,

юрист Арбитражной практики, юридическая фирма VEGAS LEX, г. Москва

лени Судебной коллегии идет о заключении государственного контракта). Суд также указал на законность требования о выплате неустойки как стимулирующего фактора исполнять принятые на себя обязательства.

В очередном Обзоре судебной практики Президиум Верховного Суда РФ счел необходимым осветить единственное дело, которое затрагивает разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений и рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам.

Предметом спора явилось непредоставление банковской гарантии в рамках государственного контракта, в котором такая обязанность исполнителя была предусмотрена в соответствии с законодательством о государственных закупках.

На практике часто встречаются договоры и между коммерческими организациями, положениями которых предусмотрено обязательство одной стороны по договору предоставить обеспечение в виде гарантии контрагенту. Как правило, эту обязанность берут на себя подрядчики по договорам строительного подряда, земщики по договору займа, поставщики. Поэтому споры, вытекающие из обязанности предоставить гарантию в обеспечение исполнения договора, достаточно распространены и не носят узкоспециализированного характера в рамках государственных контрактов.

Как следует из анализа судебных дел данной категории, основной причиной возникновения спора является отказ коммерческих организаций в предоставлении гарантии. Отказ может быть мотивирован, например, высоким риском выплат по гарантии, несоответствием положений обеспечиваемого договора внутренним требованиям гаранта и т. д.

Как раз невозможность получения гарантии от коммерческих организаций является основным доводом при защите своих интересов должником. Обычно должники указывают на то, что выдача гарантии зависит от воли третьего лица (гаранта), значит, положения договора объективно не могут быть выполнены (ст. 416 ГК РФ). Однако ВС РФ определил, что выдача гарантии является обычной коммерческой операцией, осуществляется большим количеством лиц, поэтому обязанность по получению гарантии объективно может быть исполнена. Иное давало бы преимущество перед другими участниками закупки (речь в опреде-

Должники по таким делам ссылаются, как правило, на то, что в договоре не закреплена конкретный перечень потенциальных гарантов, соответственно, условия договора не конкретизированы и что невозможно заранее согласовать условия гарантии с лицами, не являющимися стороной по договору. Все это приводит к невозможности выполнения должником своих обязанностей. Следовательно, контрагент не может требовать исполнения обязательства в натуре. Этот довод корреспондирует с вышеуказанным об объективной невозможности исполнения положений договора. ВС РФ отметил, что данные доводы несостоятельны по тем же основаниям.

В случае если в договоре условие о предоставлении гарантии имеет альтернативу, например необходимо предоставить гарантию либо иное обеспечение, должники могут ссылаться также на неспособность истца самостоятельно выбрать, какое из альтернативных условий должно быть выполнено, и подавать иск о выполнении конкретного обязательства в натуре. ВС РФ данные доводы не принял, указав, что уклонение должника от выбора предмета исполнения из имеющихся альтернативных обязательств наносит ущерб интересам кредитора и вступает в противоречие с принципом добросовестности. В соответствии со ст. 320 ГК РФ, с Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 № 69 последствием уклонения должника от выбора предмета исполнения является переход такого права к кредитору. Значит, подача иска об исполнении одного из альтернативных обязательств в натуре законна.

Таким образом, из позиции Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ явно прослеживается желание суда максимально следовать применимости принципа свободы договора при заключении сделок, а также способствовать соблюдению сторонами такого основополагающего принципа гражданского права, как добросовестность. Стороны, заключая договор, сознательно возлагают на себя обязанности по нему, а также соответствующие риски. В случае же неисполнения своих обязанностей сторона должна нести гражданско-правовую ответственность. ↘

ПРЕСС-РЕЛИЗ

КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРУДОВОЕ ПРАВО – 2017: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ»

ИД «Коммерсантъ» 14 июня (Москва, «Swissotel Красные Холмы») проводит ежегодную конференцию «Трудовое право – 2017: актуальные вопросы».

Среди тем для обсуждения:

- Самые значимые новеллы 2017 года в области трудового права.
- Совершенствование нормативно-правовой базы в области охраны труда: чего ждать в ближайшее время?
- Поиск баланса интересов профсоюзов и работодателей на примере отраслевых тарифных соглашений в сфере ЖКХ.
- Обязанности работника: стандарты, формулировки и управленческие риски оформления документов.
- Комплаенс в трудовых отношениях и др.

Спикеры:

- В. Корж, директор департамента условий и охраны труда, Минтруд РФ.
- Е. Иванов, начальник управления государственного надзора в сфере труда, Роструд.
- А. Смирнов, директор юридического департамента, Московская биржа.
- Д. Тимофеев, директор по правовым вопросам, Росводоканал.
- К. Крутиков, директор по персоналу, «Сибирская генерирующая компания».
- И. Корнев, глава юридической службы России, Украины и СНГ, Боинг и др.